

The background of the entire page is a photograph of a light-colored, textured concrete wall. A dark, irregular crack runs diagonally from the upper left towards the bottom center. A small, young green plant with several leaves is growing out of the crack, primarily on the right side. The leaves are a vibrant green, some showing slight yellowing at the edges. The overall composition is simple and evocative, suggesting themes of resilience or growth in harsh conditions.

Виктория
Токарева

Сволочей
тоже жалко

Издательство «Азбука»

Виктория Токарева

Сволочей тоже жалко (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2014

Токарева В. С.

Сволочей тоже жалко (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2014

Совершенно родные и такие близкие по духу персонажи, ощущение полнейшей вовлеченности в описываемые события и судьбы, удивительный юмор, пронзительное сопереживание и превратности любви – новая книга Виктории Токаревой дарит счастье всем нам. В сборник вошли новые рассказы, повесть, а также малоизвестный читателям литературный сценарий «Вай нот?», написанный Викторией Токаревой для киностудии «Узбекфильм» и заново отредактированный автором специально для данного издания.

© Токарева В. С., 2014

© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

Сволочей тоже жалко	6
Странности любви	8
Люська из Баковки	11
Лишняя правда	23
Выстрел	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктория Токарева

Сволочей тоже жалко (сборник)

© Токарева В.С., 2014

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Издательство АЗБУКА®

Сволочей тоже жалко

Эта история произошла тридцать лет назад.

Мой муж обожал играть в преферанс и ходил с этой целью в генеральский дом. Недалеко от нас было выстроено «Царское село» – дома для высшего сословия. Генерала звали Касьян, а генеральшу Фаина. Фаина – действующий врач, работала в Кремлевской больнице.

Я иногда сопровождала мужа, сидела за его спиной.

Фаина восседала за столом – огромная, как сидячий бык. При этом у нее были локоны и бархатный голос.

Касьян – на десять лет моложе, красавец. Фаина отбила его у законной жены. Чем взяла? Возможно, романтическими локонами и воркующим голосом.

У меня к этому времени вышли фильм и книга. Я ходила в молодых и талантливых. Жизнь улыбалась. Но вдруг ни с того ни с сего моя дочь перестала видеть правым глазом. Ее положили в больницу с диагнозом неврит, воспаление зрительного нерва.

Моей девочке было десять лет, мы никогда до этого не расставались, и эта первая разлука явилась трагедией. Она плакала в больничной палате, а я у себя дома, на улице и в гостях.

Фаина увидела мой минор и вызвалась помочь.

На другой день мы вместе отправились в Морозовскую больницу. Глазное отделение находилось на пятом этаже, без лифта. Фаина шла, вздымая свои сто килограммов, и недовольно бурчала. Смысл ее бурчания был таков: зачем она пошла, зачем ей это надо, вечно она во что-то влезает себе во вред.

Я плелась следом и чувствовала себя виноватой.

Наконец мы поднялись на нужный этаж.

– Стойте и ждите, – приказала Фаина.

Она достала из объемной сумки белый халат, надела его и скрылась за дверью глазного отделения.

Я стояла и ждала. Время остановилось. Было не совсем понятно, зачем я ее привела. В отделении хорошие врачи. Они любили мою девочку, готовы были сделать все необходимое. Зачем эта начальница? Напугать? Но в семидесятые годы медицина была добросовестной, в отличие от сегодняшней. Напугать – значит выразить недоверие. Некрасиво. Однако цена вопроса была слишком высока: глаз. Я ждала.

Появилась Фаина. Подошла близко. Устремила на меня пронзительный взор. Буквально впиалась взглядом.

– Соберитесь, – сказала она. – Выслушайте разумно. У вашей дочери опухоль мозга. Эта опухоль передавливает нерв, поэтому он не проводит зрение.

– И что теперь? – тупо спросила я.

– Операция. Надо делать трепанацию черепа и удалять опухоль.

Я понимала: она говорит что-то страшное, но до меня не доходил смысл сказанного. Я не могла совместить эти слова с моей девочкой.

– И что потом? – спросила я.

– Молите бога, чтобы она умерла. Если выживет, останется идиоткой.

Фаина замолчала. Стояла и изучала мое лицо. Мое лицо ничего не выражало. Меня как будто выключили из розетки.

– Я вам что-то должна? – спросила я.

– Ничего, – великодушно ответила Фаина. – Но поскольку я потратила на вас время, сопроводите меня в ателье. На такси. Я должна забрать норковый берет и норковый шарф.

– Хорошо, – отозвалась я.

Мы спустились вниз. Я остановила такси, и Фаина загрузила в него весь свой живой вес.

У меня вдруг упали из рук часы и шелкнули об асфальт. Почему они оказались у меня в руке? Видимо, я их сняла. Наверное, я не отдавала отчета в своих действиях.

Я сидела возле шофера и не понимала: зачем Фаина заставила меня ехать с ней в ателье? Сообщить матери о том, что ее ребенок безнадежен, – значит воткнуть нож в ее сердце. А потом потребовать, чтобы я с ножом в сердце повезла ее в ателье... Стоимость такси – рубль. Неужели у генералыши нет рубля, чтобы доехать самой?

Мы остановились возле ателье. Фаина выбралась из машины постепенно: сначала две сиськи, потом зад, обширный, как у ямщика, а на локоны она наденет норковый берет.

Я осталась в машине, сказала шоферу:

– Обратно в больницу.

Я вернулась в глазное отделение, вызвала врача.

– У моей дочери опухоль мозга? – прямо спросила я.

– С чего вы взяли? – удивился врач. – У нее обычный неврит.

– А как вы отличаете неврит от опухоли?

– По цвету. Когда неврит, нерв красный, а когда опухоль, нерв синий.

– А у моей дочери какой цвет?

– Красный. Мы будем колоть ей нужный препарат, воспаление уйдет, зрение восстановится.

– А можно сделать рентген?

– Можно. Только зачем?

– Удостовериться, что опухоли нет.

– Если хотите...

Я не ушла до тех пор, пока врач не вынес мне рентгеновский снимок и я не убедилась воочию, что снимок чист, прекрасен и даже красив, благословенны дела твои, Господи...

Я вернулась домой без ножа в груди. Рассказала мужу. Он слушал, не прекращая смотреть по телевизору новости. Я спросила:

– Зачем она это сделала?

– Сволочь, – коротко ответил муж.

Я набрала телефон Фаины и сказала ей:

– Вы ошиблись. У моей дочери нет никакой опухоли. Обыкновенный неврит.

– Ну и пожалуйста, – ответила Фаина, как будто обиделась.

Я потом долго пыталась понять: что это было? Может быть, зависть? Но она живет лучше меня. У нее муж генерал с генеральской зарплатой и норковый берет с норковым шарфом. А у меня обычная вязаная шапка. Но скорее всего – просто сволочь, как сказал муж. Есть же такое слово – «сволочь», значит, должны быть и люди, этому слову соответствующие.

Прошло десять лет. Моя дочь выросла, набралась красоты, одинаково видела обоими глазами. Запуталась в женихах.

В один прекрасный день мы с мужем поехали на базар. В овощном ряду я углядела Фаину. С тех давних пор я с ней не общалась, хотя слышала, что недавно ее муж умер в гараже возле машины, а сын выпал из окна. Наркотики.

Фаина увидела меня и кинулась мне на грудь как близкая родственница.

Я стояла, скованная ее объятьями, и мне ничего не оставалось, как положить руки на ее спину. Спина тряслась в рыданиях. Под моими ладонями выступали ее лопатки, как крылья. Фаина не просто похудела, а высохла. Куда делись ее килограммы? Локоны превратились в старушечий пучок на затылке. Что делает с человеком горе...

Мой муж показывал мне глазами: надо идти, чего ты застряла? Но я не могла оттолкнуть Фаину вместе с ее рыданиями. Я стояла и терпела. И не просто терпела – сочувствовала. Гладила ее по спине, по плечам и крыльям.

Сволочи – тоже люди. Их тоже жалко.

Странности любви

В молодости мы дружили: я и Лялька.

У Ляльки был парень Руслан. Они встречались уже семь лет, но Руслан не делал предложения. Его что-то останавливало. Я догадывалась, что именно.

Руслан – из профессорской семьи, интеллектуал, очкарик, писал стихи, заведовал отделом в молодежном журнале.

Лялька – все наоборот. Ее родители переехали в Москву из глухой деревни. Папаша пил, мать работала швеей-мотористкой. Лялька едва окончила десять классов, книг не читала, учиться не хотела. Смотрела по телевизору мультики.

Что в ней привлекало? Молодость (двадцать пять лет) и совершенство форм. У нее была идеальная фигура. Ничего лишнего. Лялька замечательно двигалась. Смешливая, все ей было смешно. А когда танцевала – было на что посмотреть.

Если кто-то танцевал рядом с Лялькой, в ресторане, например, то выглядел как кувалда.

Я любила Ляльку за то, что с ней было легко и весело. Мы постоянно хохотали, без причины. Но не потому, что дуры, а так совпадали. Я видела Ляльку и сразу начинала радоваться жизни.

Лялька в этот период была занята тем, что «дожимала» Руслана. Она его любила, а он – тянул резину. Лялькина мать возмущалась: «Плюнь! Я бы на его ссала в тридцать три вилюльки».

Что такое вилюлька, я не знаю, но тоже говорила Ляльке:

– Женятся или сразу, или никогда.

Все кончилось тем, что Лялька нашла себе другого. Этот другой сделал предложение через два дня после знакомства. Он имел какое-то отношение к балету – то ли танцевал, то ли преподавал. Было понятно, почему он повелся на Лялькину хрупкость и грацию. Он привык видеть красивое женское тело.

Кстати, личико у Ляльки было тоже очень милое: голубоглазая, курносая. Когда смеялась, набегали веселые морщинки-лучики.

Меня позвали на свадьбу. Я помню блюдо жареной форели. Отец жениха заведовал где-то форелевым хозяйством.

На свадьбе Лялька напилась и разрыдалась. Я видела, что она рыдает по Руслану. Любовь к нему горела в ней адским пламенем, и эта свадьба – не что иное, как месть.

Я испугалась: жених и гости догадаются, что свадьба – фальшивка. Но, слава богу, все обошлось. Решили, что невеста плачет от счастья, от переполнения чувств.

Лялька уплыла в другие воды. И Руслан вдруг понял: он потерял главное. Лялька – это лучшее, что было в его жизни. То, что его останавливало, а именно – ее примитивность, оказалось самым уместным. Как примитивизм в картинах Пиромани.

Дни Руслана были переполнены рифмами, умными разговорами, и, вернувшись после работы домой, хотелось разрядки. Хотелось не думать и не рассуждать. И вот тут – Лялька, как таблетка от усталости.

А в постели его рука соскальзывала на тончайшую талию, не говоря об остальном. После Лялькиного тела все другие тела – табуретки, заплывшие салом.

Руслан погрузился в депрессию. Его ничего не радовало, глаза смотрели как со дна водоема. Не выражали ничего. Стали посещать мысли о самоубийстве.

Прежде чем убить себя, он решился и позвонил Ляльке. Она согласилась встретиться. Пришла к нему в редакцию.

Он увидел ее и зарыдал. И Лялька зарыдала. Они обнялись и замерли, не могли вымолвить ни одного слова.

В кабинет заглядывали сотрудники, но тут же уходили и деликатно закрывали за собой дверь.

Лялька развелась и ушла к Руслану. Руслан женился. Ура!

Квартира у них была крошечная, но двухкомнатная и своя.

Спальня, она же кабинет, и главная комната с телевизором, обеденным столом для гостей.

Детей не завели. Лялька в юности занималась греблей и застудила себе все, что могла.

Руслан – книжный человек, ему детей не хотелось. Он сам был ребенком у Ляльки. Она его кормила, обихаживала. О детях не задумывалась. Да и какой смысл? Думай не думай, все равно не будет. Бог не дал. А Богу виднее.

Молодость прогрохотала как повозка по булыжной мостовой. Наступил средний возраст, а за ним – пожилой.

Лялька изменилась мало, только морщинки обсыпали лицо.

Руслан тоже почти не изменился. Поседел, а так все то же самое. А может быть, мне так казалось. Когда видишь человека часто – перемены незаметны.

И вдруг я узнаю, что у Ляльки – инсульт. Она парализована и в больнице. Караул...

Я позвонила Руслану. Он был собран, разговаривал конструктивно.

– Выписывают во вторник, – сказал он. – Я не знаю, что делать.

– В каком смысле? – не поняла я.

– Куда ее теперь?

– К вам домой.

– А куда я ее положу? В кабинет? Тогда я не смогу работать.

– Это почему же?

– Тело. Писи-каки. Я поэт, а не санитарка.

– Положи в большую комнату.

– Тогда никто не сможет прийти.

Я молчала. Потом сказала:

– Поэтом можешь ты не быть, а человеком быть обязан.

– У меня нет сил. И нет здоровья. Я старый.

– Найми сиделку.

– Знаешь, сколько стоит сиделка? Пятьдесят тысяч рублей. А у меня пенсия пятнадцать.

– А твои книги?

– Стихи никому не нужны. Пушкина не покупают.

Я молчала.

– Слушай, а у государства есть казенные дома? – спросил Руслан.

– Есть, – сказала я. – Для хроников... Типа «палаты № 6». Она там быстро помрет.

– А ты не думаешь, что это касается нас всех в ближайшем будущем?

– Не думаю, – ответила я и положила трубку.

Мне стало грустно. Все-таки Руслан – скотина. Все-таки позади общая жизнь. Как можно так поступать с близким человеком?

Парализованное тело – не праздник. Но оно когда-то так радовало... Он так его любил... Существует долг в конце концов. И человек должен его исполнить.

Когда корабль тонет, капитан тонет вместе с кораблем.

Во вторник – выписка. Руслан пришел к десяти часам утра.

Вышел врач и сказал, что больная умерла.

Стояло аномально жаркое лето. Лялька лежала в палате у окна, и солнечные лучи ее буквально расстреливали в лицо. Случился еще один приступ. Скорее всего, дело не в солнце, а в сосудах головного мозга, но сейчас это уже не имело значения. Ляльки нет. Нет ее парализованного тела. Уйдя из жизни, Лялька сделала Руслану подарок. Спасибо, Лялька.

Друзья помогли похоронить. Поминки поглотили все сбережения Руслана, но прошли достойно. Соседи приготовили несколько горячих блюд и холодные закуски. Были даже деликатесы: красная икра, красная рыба. Спиртное – без ограничения. Много осталось.

Руслан доедал и допивал поминальный стол целую неделю. Ему было не в чем себя упрекнуть.

В моем доме раздался телефонный звонок. Звонили из полиции.

В каком-то сквере нашли человека. У него – полная амнезия: он не помнил, кто он и откуда.

В кармане обнаружили записную книжку, а там мой телефон. Не могу ли я приехать на опознание?

Я опознала: это был Руслан. Я объяснила, кто он и где он живет.

Совместными усилиями мы разыскали племянника. Племянник временно поселился у Руслана, чтобы поставить его на рельсы.

Руслан на рельсы встал. Он все вспомнил, но жить не хотел. Сидел в кресле как свежемороженный окунь с головой. Такие же слюдяные глаза.

Руслан не мог жить без Ляльки. Он ждал, когда закончится жизнь и паромщик в черном плаще перевезет его на пароме через реку Лету.

А на том берегу его будет ждать Лялька. Они обнимутся и зарыдают. И не расстанутся больше никогда. НИКОГДА.

Люська из Баковки

Баковка – это деревня, которая примыкала к нашему дачному поселку. Настоящая деревня с бревенчатыми домами, почерневшими от времени, запущенной речкой, резными ставнями, палисадниками, огородами, гусями, пьющими мужиками и крикливыми бабами.

После перестройки эти крикливые бабы стали называться «фермеры». Они носили по нашему поселку свою продукцию: молоко, творог, яйца, овощи.

Я быстро определила, у кого можно брать, а у кого нельзя. Срабатывал «человеческий фактор». Жилистая Ольга скупала творог во всей округе, он у нее скисал, протухал, потом она сверху опрокидывала граммов двести свежего творога и разносила по домам. Люди пробовали сверху – не полезешь же пальцем вглубь – и покупали с энтузиазмом весь объем. Заносили в кухню, вываливали в миску. То, что было внизу, становилось верхом, вонючим и опасным для жизни.

Что можно сказать? Недальновидная Ольга не знала законов рынка. Второй раз у нее никто не покупал. И даже если она приносила хорошую сметану, свежие яйца, ее гнали прямо с порога, высказывали свое отношение открытым текстом. Ольга не учитывала такой важнейший фактор, как конкуренция. Ею правил закон суслика: схватить – и в норку. Однако в дачном поселке – хоть и интеллигенты, но не дураки. Один раз их можно провести, но не больше.

Появлялась толстая Ирка, громыхая железной повозкой. В эту повозку она складывала все сезонные овощи. Продукты были неплохие, но цена на ноль больше. Если килограмм картошки стоил на базаре десять рублей, то у Ирки – сто.

– А ты бери по тысяче, – предлагала я.

Ирка подозрительно всматривалась в мое лицо.

– А что, – простодушно продолжала я, – если у человека есть деньги, какая ему разница, сколько заплатить: сто или тысячу? Не обеднеет.

Ирка догадывалась, что я ее поддеваю, и говорила:

– Ну ладно. Давай по пятьдесят за килограмм.

– На базаре десять, – напоминала я.

– На базар ехать надо. А я тебе прямо к дому, с доставкой.

Я соглашалась. Доставка стоит денег.

В нашем поселке жил очень красивый парень – высокий, стройный, с золотыми волосами. Как трубадур из мультфильма.

Девки и молодые бабы из Баковки приходили на него посмотреть. Приносили клубнику и черную смородину. И, пока он рассчитывался, не отводили глаз. А потом уходили, грезили наяву. За спиной красавца маячила его жена, но ее в расчет не брали.

Девкам из Баковки не на что было рассчитывать, и все равно... Мечтать ведь никто не запрещает.

По стране гуляли лихие девяностые. Их грозный отзвук докатывался и до нашего поселка.

Трубадур продал свой дом вместе с тещей. Дом принадлежал теще, но предложили хорошую цену, Трубадур не устоял. Теще сняли комнату в Баковке, а в дом, в родовое гнездо, въехали чужие люди.

Рухнул социализм, вместе с ним человеческая мораль. Моралью стали деньги. Видимо, сумму, которую предложили Трубадуру, он не мог упустить. И ждать тоже не мог. Покупатель бы уплыл.

А я? Что я могла сделать? Подойти к Трубадуру и спросить: «Как тебе не стыдно?» Он бы ответил: «А ваше какое дело?»

И в самом деле.

Тещу могла защитить только ее дочь. Но дочь взяла сторону мужа. Она рассуждала так же, как и он: «Не убивают же ее. Переселяют в деревню, в деревянный дом, экологически чистый, рядом с поселком, десять минут ходьбы».

Во второй половине дома жила некая Люська. Люська держала кур и корову. Вот тебе качественное питание, вот тебе здоровье и долголетие.

Люська приходила ко мне раз в неделю, по средам. Приносила свою продукцию. Ее продукция была самая свежая, а цена соответствовала качеству.

Люська не воровала и не хитровала, ничего не выгадывала. Немножко громко разговаривала, но ведь это можно и потерпеть.

– А я правду всегда говорю!.. – орала Люська.

И она выкладывала очередную правду, которая никому не была нужна. И самой Люське в том числе.

Говорили, что Люська в молодости была привлекательная. Сейчас это невозможно себе представить: фиолетовые щеки, во рту один зуб.

У Люськи был папаша – алкоголик, он рано умер, оставив Люське в наследство свое тяжелое заболевание.

К двадцати шести годам Люська уже спилась. Ее в деревне никто не видел трезвой.

Где-то на базаре она познакомилась с Володькой, тоже алкоголиком. Сколько ему было лет – непонятно, не то тридцать, не то пятьдесят.

Люська и Володька каждый вечер собирались и пили вместе. Это ведь веселее, чем в одиночку. Володька был добрый, музыкальный, хорошо пел под гармонь. Действительно хорошо. При этом у него были длинные ресницы, красивые сильные пальцы.

«Олень беспутный, горький мой, мне слезы жгут глаза, как ветер. Не смейтесь, люди, надо мной, что я иду за парнем этим».

Эти стихи Люська сочинила сама, вот до чего дошло. Ее душа была, как парус, наполненный попутным морским ветром, и под этим парусом, на этой лодке любви Люська оказалась беременной. Молодой организм ловил сперматозоиды на лету.

Люська в первый раз сделала аборт, но через два месяца залетела опять. Тогда она поняла: это природа настаивает. Бог говорит: «Люська, не отказывайся, бери, пока дают».

Люська решила рожать. А это не простое решение. Это значило: надо завязать. Не пить, а то ребенок дураком родится.

Володька неожиданно поддержал Люську и тоже решил не пить, записать ребенка на свою фамилию. Да что там... Жениться на Люське и создать нормальную семью, как у людей.

Первым делом они купили кровать. Раньше у них был только матрас на полу. Кровать – совсем другое дело.

К кровати приобрели простыни, одеяло, подушки. Перед сном мылись, одевали пижамы. То, что для людей было обычным и привычным, у Люськи с Володькой – целое событие, сказка Венского леса.

Алкоголизм не отступал. Сказать, что им хотелось выпить, – значило не сказать ничего. Им СТРАСТНО хотелось выпить. Организм стонал и корячился. Люська сжимала кулаки так, что ногти впивались в ладони. Оба погружались в тяжелейшую депрессию и тонули в ней. А спасение было так близко: стакан, и всё. И снова мир зажжется красками.

Все внутри горело и звало. Приходили даже мысли о самоубийстве. Легче не чувствовать ничего, чем такие испытания, такое жжение, такую тоску... Но их было двое. И они поддерживали друг друга. А если точнее, их было трое. И этот третий, беспомощный, от них зависимый,

именно этот третий в середине тела был главным, главнокомандующим. Он приказывал: нет. И было нет.

Через положенный срок родилась здоровая полноценная девочка, рост пятьдесят два сантиметра, вес три с половиной килограмма. Все как надо. Назвали Людмилой, как мать. Володька любил Люську и хотел как можно чаще произносить это имя. Пусть дом будет наполнен этим именем в разных вариациях: Люся, Людмила, Мила...

Володька устроился водопроводчиком в доме отдыха. Он это умел, был специально обучен в ПТУ. К тому же надо зарабатывать. Семья из трех человек.

Володьки целыми днями не было дома, Люська на ребенке днем и ночью, некогда головы причесать. Прошлая жизнь казалась раем: свобода, никакой ответственности и бутылка в центре стола, – холодная, запотевшая, переливающаяся голубым и перламутровым, только что из холодильника. Первый глоток орошал нутро, как дождь пересохшую землю. Грибной дождь, солнце и влага. Плюс Володька, его горячие ладошки и губы, прохладные от страсти.

А сейчас только маленькая Милочка, ее крохотное личико, ее ор и нищета.

Володька старался как мог. Бегал по вызовам в наш поселок. Но богатые трудно расстаются с деньгами: чем богаче, тем жадней. При этом лезут в душу, норовят подружиться. А зачем? Чтобы не платить. С друзей ведь много не возьмешь...

Прежние дружки сбивали Володьку с пути, но он держался. Иногда ему казалось, что он висит над пропастью, держится на одних руках. Руки приняли всю тяжесть тела, и плечевые суставы не выдержат, выскочат из своих гнезд. Легче разжать пальцы и лететь в пропасть. Но Володька держался из последних сил. Он – не один. За ним – две Людмилы, он их не предаст.

Володька возвращался домой. Лез под душ. Смотрел телевизор.

А потом они ложились спать, обнявшись. Люська отдавалась мужу, несмотря на усталость: бери меня, мне самой ничего не надо, все – твое.

Милочка хорошела день ото дня. Первый расцвет случился в три месяца: из сморщенной почки она превратилась в гладкого младенчика. В полгода научилась смеяться. А в год – сама красота. Так что – не зря жертва. Не зря телесные и душевные мучения. Все оплачено с лихвой. Дочка. Смысл жизни. Выполнение главного замысла природы.

В чем главный замысел? Размножение. Значит, Люська и Володька живут не зря и не даром. Оставят после себя часть себя.

Неизвестно: есть ли рай и ад после жизни? А в самой жизни есть. Ад – это запой. Рай – это улыбка твоего ребенка.

Я все реже стала бывать в Москве. Все чаще оставалась на даче.

У меня был свой маленький «уголок Дурова»: кошка, собака, ворона и белочка Эмма.

Белочка приходила два раза в неделю, я насыпала ей орехи фундук. Она садилась на задние лапки, а передними подносила орех к мордочке. Ее щеки торопливо двигались.

Эмма тщательно следила глазами за собакой и за кошкой и, чуть что, – взлетала вверх по стволу елки.

Ворона воровала сухой корм из собачьей миски. Хозяин корма Фома устремлялся к своей миске с целью жестоко проучить ворону. Но она тут же взлетала на вершину дерева, и подскокивший Фома не мог понять: каким образом ворона оказалась наверху, когда только что была на земле? Как это у нее получается?

Он возмущенно лаял, задрав голову. Если его лай перевести на человеческий язык, это звучало бы так: «Ты еще жрать захочешь, ты еще вернешься...»

Однажды мне позвонила подруга и попросила принять ее родственника. Родственник явился не запылится. Внешность – среднестатистическая. Лицо умное. Костюм кримплено-

вый. Кримплен – это немнущаяся синтетика. Его можно стирать и не гладить, а просто повесить на плечики. Похоже, что костюм на родственнике никто не стирал никогда. От него пахло чем-то лежалым, душным. Видимо, микробы давно жили там семьями и вели упорядоченный образ жизни: питались, выделяли отходы, размножались.

Я догадалась, что родственника никто не обслуживает. Может быть, не женат, старый холостяк или вдовец, мало ли...

После перестройки появились мужчины-метросексуалы, которые ухаживают за собой как женщины: делают маникюр-педикюр, стригутся в дорогих салонах. Почему бы и нет... Родственник не относился к метросексуалам, но ничего страшного. Посидит и уйдет. Не останется же он навсегда.

Я предложила ему чай. Он охотно согласился.

– У меня вот такая проблема, – начал родственник. – Я хочу купить дачу. У вас в поселке продаются дачи?

– Редко, но продаются, – сказала я.

– Почему? Хотя бы примерно...

– Примерно, миллион...

– Рублей?

– Долларов.

– Долларов? – У родственника глаза стали как колеса. – У меня столько нет. Я рассчитываю максимум на десять тысяч долларов.

– А вы купите избу в соседней деревне, – предложила я. – Вам как раз хватит.

– Вы считаете?

– А что? Небо то же самое, воздух тот же, что в нашем поселке. Рядом лес, речка.

– А контингент?

– А что вам контингент? В нашем поселке все сидят за трехметровыми заборами. Вы их и не увидите никогда.

– Да? – раздумчиво спросил родственник. – Действительно, зачем переплачивать? А посмотреть можно?

Мы отправились в Баковку.

– Я хочу перевезти сюда жену, – поведал родственник. – Она не ходит, у нее ноги отказали. Возраст.

– А сколько ей лет?

– Восемьдесят.

– А вам? – удивилась я.

– Мне шестьдесят.

Мне захотелось удивиться, задать вопрос, но вопрос был бы некорректный. Я сдержалась. Мысль – материальна, родственник прочитал мой вопрос.

– Я женился на своей мачехе, – сказал он.

– Это как?

– Мой отец, профессор, бросил мою мать и женился на своей аспирантке. Я в нее влюбился.

– Шекспир, – сказала я. – Трагедия. Неужели вокруг вас не было девочек-ровесниц?

– Были, конечно. Но я их не видел.

– И как вы живете?

– Как волки.

– То есть... – не поняла я.

– Сексуальная активность раз в год, а все остальное время мы любим друг друга всей душой.

– И сейчас?

– Ничего не меняется. Старости нет. Есть только болезни. У Нэли болят суставы. Артроз.
– Сейчас суставы меняют.
– Она не хочет. Сердце может не выдержать наркоз. И я тоже боюсь. Пусть лучше сидит в коляске на свежем воздухе. Дышит. А я буду приезжать к ней на выходные. Я ведь работаю.
– А откуда вы знаете про волков? – поинтересовалась я.
– Читал. Вы не представляете себе: какое это нравственное сообщество – волчья стая. И что творится, когда в стае погибает ее член. Вот уж действительно Шекспир: какой вой, какие горькие рыдания, вплоть до разрыва сердца.

В конце улицы показалась Люська.

– Век! – заорала она. – Яйца надо?

– Давай.

Люська помчалась за яйцами в свой дом.

– Что значит «век»? – спросил родственник.

– Это значит Вика. Это я.

Люська вынесла яйца в миске.

– Свежие, – доложила она. – А Катька Звонарева продает магазинные. В палатке покупает, за свои выдает. Я ей так в лицо и говорю: «Катька, а совесть есть?» А она мне: «Зато у меня дешевле». Фармазонка, бля...

– Ты не знаешь, тут кто-нибудь продает избу?

– Катька и продает.

– За сколько?

– Просит десятку. Отдаст за семь.

– А ты откуда знаешь?

– Я Катьку знаю. Катька – гнилая. А дом у нее хороший, сухой. Я за правду, Век. Если дом хороший – так и скажу.

– А почему она продает? – спросил родственник.

– Так отсюда же никуда не доберешься. До автобуса пять километров. Здесь без машины никак. Как в Америке.

– А вы откуда знаете про Америку? – удивился родственник.

– А кто это? – спросила Люська, указывая пальцем на родственника. – Твой любовник?

– Дом хочу купить, – уточнил родственник.

– Мои десять процентов, – нашла Люська.

– Договорились, – легко согласился родственник.

Если Люська сторгует за семь, то три еще останется. Так что хватит всем.

Все, что было дальше, происходило без меня.

Дом продали, родственник привез Нэлю на своих «жигулях». Люську наняли прислугой. Она должна была приходить три раза в неделю, готовить Нэле еду, плюс убираться, плюс мыть посуду. Оставляла на Нэлю свою дочку Милочку. Ей было уже пять лет к тому времени. Нэля учила ее правильно сидеть за столом, правильно есть. Читала детские книжки, выметала из ее речи матерные слова.

Время шло. Много происходило хорошего и плохого.

Я сломала ногу, понадобилась небольшая операция. Кость должны были скрепить пластиной и привинтить эту пластинку шурупами. Ни пластинок, ни медицинских шурупов в стране не производили. Такие были времена. Все старое развалили, а нового не создали. Шурупы были только слесарные, собирать мебель, например. А слесарные не годились. Они – грубо сработаны, с заусеницами. Кость от заусениц патиалась. Кость, оказывается, тоже живая. Пришлось ехать в Швейцарию, поскольку нога – очень важная часть тела.

Меня не было на даче почти два месяца. Люська скучала и караулила, поскольку я была ее постоянным покупателем. Бизнес страдал в мое отсутствие.

Но вот я вернулась, и бизнес воспрянул. Мне требовались молочные продукты. Кальций.

– Век!.. – заорала Люська, входя в мой дом. – А у нас в Баковке бабы базарят: «Вот, в Швейцарии операцию делала... Ишь какая...» А я говорю: «Были возможности – и поехала. А у вас вот нет возможностей и сидите на жопе у себя на кухне. И ничего не видели, и ничего слаще морковки не ели». Я за правду, Век... Я так им прямо в лицо и сказала. Завидуют, бя...

– А чему? – спросила я. – Сломанной ногой?

– Респекту. Швейцария – не Баковка.

– А тебе не кажется, что сидеть в Баковке со здоровой ногой лучше, чем в Швейцарии со сломанной?

Люська подумала. Потом тяжело вздохнула и сказала:

– Я тебе буду яйца дороже приносить...

Я не стала спрашивать: почему? И так понятно – нужны деньги.

– Как там Нэля? – спросила я.

– Сохнет, – ответила Люська. – Как балерина. Чистой души человек.

– А ее муж ездит?

– Обязательно. Цветы привозит. Денег нет, а он на розы тратит. А они на третий день вянут, воняют, как он сам.

– Ты ему костюм постирай, – заметила я.

– Он не соглашается. Стесняется, что ли... А может, не во что переодеться. Не знаю...

– Володьке привет, – сказала я.

Люська поджала губы, ничего не ответила. Привета не приняла.

К плохим новостям относилось и то, что Володька запил. Сорвался. Пропил все – мебель, телевизор, кровать и даже пол в прихожей. Сорвал доски и продал. «Олень беспутный, горький мой, мне слезы жгут глаза, как ветер...»

Люська заплакала.

Я молчала. Что тут скажешь...

Плохие новости перекинулись из деревни в наш поселок.

В нашем поселке живет много богатых и бедных. Знаменитости и вдовы знаменитостей. Богатые проживают стационарно, поскольку в поселке все удобства: газ, свет, вода и телефон.

Бедные – сдают. Аренда здесь дорогая, поэтому снимают состоятельные люди, новые русские, или, как говорят французы, «нувориши», – недавно разбогатевшие.

Рядом с моим домом снимает некий Владик. По вечерам у него грохочет музыка, слышен смех. Весело. Поговаривают, что он держит рынок.

Я иногда вижу этого Владика. Элегантный, как принц Чарльз, но плюет в землю.

Я заметила, что работяги, которые строят здесь каждое лето, тоже плюют в землю. А интеллигенция – не плюет. Какова причина?

Может быть, скапливается слюна с похмелья. А может быть – это жест самоутверждения: плевал я на все. Непонятно. Хочется спросить, но я стесняюсь. Вопрос некорректный. Да и какая разница?

Владик договорился с Каткой-фармазонкой насчет молока, и она привозила ему трехлитровую банку по четвергам.

В очередной четверг Катка вошла в калитку и увидела два трупа: Владика и его шофера. Оба лежали лицом в землю в позе бегуна.

Милиция установила, что киллер перелез через забор и ждал Владика на участке. Владик приехал поздно, в три часа ночи. Вылез из машины. Киллер выстрелил ему в спину.

Молодой шофер бросился бежать и почти добежал до калитки, но пуля догнала его. Он упал прямо перед калиткой. Об него и споткнулась Катька. Она замерла на мгновение, потом выронила банку с молоком и выскочила на дорогу. Бросилась бежать к конторе, где сидел комендант.

Катька мчалась изо всех своих сил и возможностей, ее груди (десятый размер) мешали движению.

Позже я спросила у Люськи:

– А в чем причина? Почему Владика убили?

– Не поделился, – коротко ответила Люська.

– Чем? Деньгами?

– А чем же еще? – удивилась Люська. – Конечно, деньгами.

– И что, за это убивать? Неужели деньги важнее жизни?

– Его, наверное, предупредили, – предположила Люська. – Он знал на что идет.

– Он думал, что пронесет. Не посмеют.

– Листьева не побоялись убить, а Владик кто? Кому он нужен?

– Своей матери, – сказала я.

– И всё. Делов-то...

Я заметила: Люська ожесточилась за последнее время. Она выгнала Володьку из дома. Он спал в слесарной мастерской. По вечерам собирал в парке бутылки.

Криминальные девяностые накрыли страну. Человеческая жизнь не стоила ничего. Смерть собирала свой урожай.

Жилистая Ольга ходила по поселку с черным лицом. У нее в Москве убили сына.

Кто? За что? Узнать было невозможно. Обрублены все концы. С Ольгой никто не хотел разговаривать. Куда бы ни обращалась, ее не слушали. Смотрели сквозь, будто она не человек, а привидение.

Ольга сунулась к самой большой знаменитости поселка. Он составлял нашу гордость, этакий козырный туз в колоде. Он впустил Ольгу в дом, выслушал с подобающим лицом.

Ольга попросила Туза выйти по своим каналам на самого главного генерала. Пусть генерал все выяснит и накажет виновных или хотя бы – объяснит.

Козырный Туз посочувствовал, покивал, пообещал, но никуда звонить не стал. Он мог обратиться к самому главному один раз в жизни. Такой этикет. И вот этот один раз он хотел оставить для себя. Сохранить для себя такую возможность. Мало ли что может случиться в жизни...

Кончилось ничем. Ольга ничего не узнала. Я смутно догадывалась: в Москве был введен комендантский час. Его скоро отменили, через несколько дней. Но в эти несколько дней по Москве гулял беспредел, Варфоломеевская ночь, свобода для бандитов и ментов. Выплескивались низменные инстинкты плюс вседозволенность. И вот тут уж действительно невозможно восстановить: кто, за что и зачем?

Ни за что и ни зачем. Так.

У родственника моей подруги, мужа Нэли, случилось прободение язвы. Он долго не вызывал «скорую», надеялся, пройдет. Но не проходило. «Скорая помощь» отвезла его в первую попавшуюся больницу, там его оперировал первый попавшийся дежурный врач, и родственник благополучно умер на рассвете, как положено.

Нэля осталась одна.

Как она приняла это известие – я не знаю, но догадываюсь. Нэля была на двадцать лет старше мужа и должна была умереть первой. А что получилось? Она осталась одна, беспомощная, неподвижная, и даже лекарства привезти некому.

Люська утешала в своем духе. Она сказала:

– Нэля, но ведь когда-то это должно было случиться.

– Много позже, – не соглашалась Нэля. – Хотя бы через десять лет.

– Десять лет туда, десять лет сюда, мелочи это...

– А я? Я совсем одна.

– Ну и что? И я одна.

– Какое несчастье... – Нэля закрывала лицо руками.

– А кто сказал, что человек должен быть обязательно счастлив? Вам вон как повезло. Жопой в масло попали. Вас всю жизнь любили, то один, то другой... Попользовались – и хватит...

Через неделю приехал племянник со своей девушкой и с нотариусом. Следовало переписать на него дом.

Нотариус разложил документы и поставил галочку, где подписать.

– А лекарства вы привезли? – спросила Нэля.

– Ой, мы забыли, – смутилась девушка.

– Про нотариуса не забыли, – заметила Люська.

– Но ведь Нэле девятый десяток, – напомнил племянник. – Умрет – и ни дарственной, ни завещания. Кому дом?

«Мне», – подумала Люська, но вслух не озвучила.

Далее все покатилось своим чередом. Нэля сидела без лекарств и без денег, грустная и тихая.

Люська забегала к ней каждый день, приносила еду. Что называется, делилась последним куском. Нэля ела мало, но не есть совсем она не могла.

Племянник должен был привозить пенсию, у него была доверенность, но эта скромная пенсия оседала в карманах племянника.

Люська договорилась насчет машины, погрузила туда Нэлю, и они поехали в Москву, в сберкасса. Переписали доверенность на Люську, заполнили нужные бумаги. Пенсию стала забирать Люська, раз в месяц. Скромная пенсия плюс натуральное Люскино хозяйство – вполне можно жить.

Володька кормил себя сам: собирал бутылки, сдавал металлолом плюс зарплата электрика...

Володька похудел, выглядел вне возраста – молодой старик, видно, что человек опустился. Никаких интересов, кроме одного.

Люська имела в поселке своих постоянных клиентов и каждому норовила сказать правду в лицо. На нее не обижались, учитывая ее уровень и социальное положение. Вот если бы, скажем, министр культуры пришел лично на дом и выразил свое неудовольствие... Или Хиллари Клинтон приехала в Россию, завернула в наш поселок и объявила, что мусорные баки воняют. Тогда было бы неприятно. А Люська, что Люська...

– Век, – она простирала ко мне руки, – правда, Век... Я за ней хожу, как за ребенком. Почему бы ей не отписать мне дом.

– У тебя есть дом, – напоминала я.

– И что? Я один дом продам, деньги выручу. А денег много не бывает. Век, я правду скажу: от меня хоть какая-то польза, от племянника никакой. Сволочь, и больше никто. А что, нет? Ты скажи Нэле, пусть она мне дом отпишет.

– Скажи сама. Я с ней не знакома.

Я отказалась от посреднической миссии, но в глубине души была согласна с Люской.

От Люски – реальная польза: каждодневный уход, душевное тепло. А от родственников – только потребительство и хамство. И больше ничего.

Люська-маленькая выросла. Ей было уже семнадцать лет.

Нэля жила себе, хотя и передвигалась на коляске. Ей было уже под девяносто, но голова ясная.

Я часто думала, в чем причина долголетия? Во-первых, гены. Во-вторых, характер. Нэля была совершенно беззлобная и независтливая. В ней не было никакого говна, как говорила Люська. Ей нравилась ее жизнь. Всегда, во все периоды. И сейчас тоже нравилась: природа, воздух, экология, Люська-большая и Люська-маленькая.

Нэля любила повторять: «Старость – это время свобод».

Люська-маленькая тоже любила Нэлю. За доброжелательность. Нэле все нравилось, а Люське-большой все не нравилось. Все сволочи и фармазоны, все жадные, за копейку зайца догонят и пернут.

Нэля не считала жадность недостатком. Она объясняла жадность как инстинкт самосохранения. Деньги – защита. И, конечно, жадность – от бедности.

В России после перестройки стало очень много бедных.

– Нэль, а как это получилось, что твой моложе на двадцать лет, а умер первый? – протодушно вопрошала Люська.

– Я от него этого не ожидала, – скорбно отвечала Нэля. – Как он мог?

– Чего? – не понимала Люська.

– Бросить меня одну на произвол судьбы.

– Так он же не нарочно. Он не хотел.

– Еще бы не хватало, чтобы хотел.

Нэля обижалась на мужа, поскольку доверяла ему безгранично. Он всегда был ее каменной стеной, и вдруг стена рухнула, и Нэля оказалась на холоде, на семи ветрах. Хорошо еще, что образовалась Люська с ее дурной правдой и золотой душой. Хорошо, что Нэля осталась не в городе, закованная в камнях, а в деревне с огородами и клумбами, на которых цвели пафосные георгины, торжественные стойкие цветы. Они стояли у Нэли на столе, и, просыпаясь по утрам, она здоровалась с ними.

Дни текли, похожие один на другой.

Когда мало впечатлений, время идет быстрее. Мне нравился этот спокойный, равномерный ход времени. Я не хотела потрясений, которые приносит любовь, потому что любовь очень часто превращается в мусорные баки, от которых воняет.

Люська приходила раз в неделю. В четверг. Но однажды пришла в понедельник, с пустыми руками и встревоженным лицом.

– Век, дай пятьсот рублей. Вовке на гроб.

Я онемела. Но что тут скажешь...

– Жалко Вовку, – произнесла я самое простое, что можно было сказать.

– Конечно, жалко, – согласилась Люська.

– Переживаешь?

– Тяжело...

Ушел олень беспутный. Грохнулся посреди жизни.

– Дашь? – еще раз проверила Люська.

– Ну конечно. Только приходи завтра, у меня сейчас нет русских денег.

Я получала тогда в долларах, и с рублями была проблема: ехать в обменный пункт, менять, возвращаться. Но куда деваться? В то время как-то все незаметно перешли на доллары. Рубль – валюта неуважаемая. Его прозвали «деревянный».

– А когда прийти? – уточнила Люська.

– Завтра в это же время.
– Ой, спасибо, я приду.
– Как там Нэля? – поинтересовалась я.
– В карты играет с соседскими бабами. В подкидного дурака.
– Понятно.
– Что понятно? – насторожилась Люська.
– Игра для дураков.
– Ты книжки пишешь, а корову подоить не можешь. А у меня хозяйство. Я все держу одна, а ты за собой тарелку помыть не можешь.
– Могу, – возразила я.
– Твои книжки можно читать, а можно не читать. А молочные продукты нужны каждый день.

– Это правда, – согласилась я.
– А пятьсот рублей дашь? – проверила Люська.
– Дам. Приходи завтра в это же время.
На другое утро я пошла на прогулку. У меня был привычный маршрут, вдоль речки и обратно. Прогулка на сорок минут, вдохнуть небо и речку, зарядиться от космоса.

От санатория мне навстречу двигался мужичок, похожий на гнома. На нем была вязаная шапка колпаком с оттянутой макушкой. Он шел, сгорбившись, нес на спине большой мешок с пустыми бутылками.

Поравнявшись со мной, гном повернул ко мне лицо. Это был Володька. Я не поверила своим глазам. Я собиралась давать деньги ему на гроб, а он – вот он, собственной персоной.

– Здравсьте, – поздоровался гном.
– Привет, – ответила я, продолжая изучать его глазами.
– Поэтесса? – уточнил гном.
– Вроде того, – согласилась я.

Володька слышал звон, но не знал, где он. Ему какая разница – проза, поэзия.

– А вы Володя? – прямо спросила я.
– Ну... – согласился он. – Не узнали?

Я повернулась и пошла, слегка недоумеваю. Ну и Люська... Ради денег, причем маленьких денег... Ничего святого.

На другой день Люська явилась не запылилась. Смотрела на голубом глазу.

– А я видела твоего Володьку, – сообщила я. – Бутылки собирал.
– Как? – удивилась Люська и вытаращила глаза в притворном недоумении.
– Очень просто. Целый мешок набрал.

Люська помолчала, потом спросила:

– А пятьсот рублей дашь?
– Дам.
– А тысячу?

Я открыла кошелек. Все купюры были исключительно по тысяче рублей. Не буду же я рвать тысячную бумажку пополам.

– Дам, – сказала я. Протянула деньги.

Люська никак не ожидала такого поворота событий. Она опасалась, что не получит ничего, а тут целое состояние.

Люська грохнулась на колени и уткнулась головой в пол. Как мусульманин на молитве.

– Чаю хочешь? – спросила я.

Люська поднялась, постояла несколько секунд, приличествующих моменту, потом села за стол.

О Володьке мы больше не говорили. О чем говорить? И так все ясно. Помощи от него никакой. Живой он или мертвый – для Люськи «без разницы», как говорят в деревне. Для Володьки, конечно, большая разница: живой он или мертвый.

– Какие новости? – спросила я.

– Дочка замуж выходит.

– За кого?

– За таджика.

– А где вы его взяли?

– У нас вся деревня в таджиках и в наркоте. Гастарбайтеры.

– И ваш наркоман? – испугалась я.

– Наш нет. Он продает, а сам не употребляет.

– А жилье у него есть?

– Нет. У нас жить будет.

– Тебе это надо?

– А что делать? Люська беременная. Куда пойдет с ребенком?

Помолчали.

– Ничего, он заработает. Купит себе квартиру.

– Ты знаешь, сколько стоит квартира? – спросила я.

– Ну...

– Ему на эту квартиру надо будет работать всю жизнь. Лет двадцать.

Люська молчала.

– Почему так получается, – продолжала я, – деньги идут к деньгам, а нищета липнет к нищете? Вот и Люська твоя будет плодить нищету.

– Не пророчествуй, – строго сказала Люська.

Я поразились: какое точное слово она нашла. Видимо, общение со мной шло ей на пользу.

Мне стало неловко. Действительно, ситуацию уже не переиграть. Надо поддержать человека, а не каркать. Кому нужна моя дурная правда? Видимо, я заразилась от Люськи. Мы взаимно влияли друг на друга.

– Ребенок красивый будет, – успокоила я. – Смешанные браки полезны для потомства.

Люська не поддержала эту тему. Видимо, ей самой этот таджик не нравился.

– Какие у тебя планы? – спросила я.

– Заменить в доме окна. Старые выбросить, поставить пластиковые, а то дует...

– Сколько окон?

– Восемь.

– Дорого, – посочувствовала я.

– Так это ж мечта. Я могу мечтать на любую сумму.

– Ну да... – согласилась я.

– А у тебя какая мечта? – спросила Люська.

– Хочу дом на Кипре.

– А сколько он стоит?

– Пять нулей.

– В рублях?

– В долларах.

– А если в рублях?

– Тогда шесть нулей.

– Ну, это я не понимаю... Спасибо тебе за тыщу. Все-таки три нуля.

Люська собралась уходить. Я проводила ее за калитку, смотрела, как она удаляется по дороге. Модная юбка полоскалась вокруг ее ног, кто-то подарил из богатых клиентов.

Чем отличаются люди друг от друга? Количеством нулей и качеством мечты. И еще: соотношением добра и зла в душе.

Моя мечта – написать новую книгу. Мечта Хиллари Клинтон – стать президентом США. А у Люськи – вставить пластиковые окна. Она вставит окна, и у нее не будет сквозняков.

Три нуля... Пять нулей... Девять нулей...

А в остальном... Как писал поэт, «знатная леди и Джуди О'Грэди во всем остальном равны». Все люди – люди. Каждый человек – человек.

Начался дождь. Хлынул как из ведра. Я пошла в дом, не ускоряя шаг. Я люблю ходить под дождем.

Лишняя правда

Февраль – последний месяц зимы. Месяц короткий. Природа как бы выпроваживает зиму, как задержавшегося гостя. Но зима – стоит. Белый снег под серым небом. Хочется на Мальдивы, где всегда солнце и пальмы.

Я выхожу на крыльцо своего дома. Сосны, березы, снега.

В центре белизны, на середине моего участка, на моем личном пространстве – вывернутая из пакетов помойка. Я подхожу ближе, вглядываюсь. Пустые пластиковые бутылки, картофельные очистки, селедочная требуха, использованные презервативы. Продукты жизнедеятельности таджиков.

Я легко догадываюсь: это безобразие принес мой пес Фома с соседней стройки. Таджики оставляют свой мусор в пакетах, а Фома приносит их на мой участок. Вываливает на землю и спокойно выбирает: что можно съесть. Не исключено, что он угощает и меня, дескать: бери, не стесняйся.

От злобы у меня вскипают мозги. Мне хочется заорать на Фому и даже пнуть его ногой. Я кручу глазами, выискивая Фому. Фома залез в будку и выглядывает оттуда со сконфуженным видом. Он не понимает: чем я недовольна?

Я на секунду задумываюсь. Надо орать сразу, как он явился. Вот Фома занес мусор – тут же заорать, чтобы он связал эти два события: мусор и ор. А так... по прошествии времени он не сможет понять: чего это хозяйка разоряется в середине дня. Он принес пакеты накануне вечером, с тех пор прошла ночь, и раннее утро, и позднее утро.

К тому же Фома, с его точки зрения, ничего плохого не сделал. Это добыча. Он сам кое-что скушал и хозяйке оставил. Чем тут можно быть недовольной?

Я поймала взгляд Фомы и показала ему кулак. Орать не стала. Чего кричать без толку. Надо надеть резиновые перчатки, все собрать в мешок для мусора и вызвать машину – мусорку. Я так и сделала. Напоследок показала Фоме кулак. Он не понял. Предположил, что в кулаке кусочек колбаски, замахал хвостом.

Я вернулась в дом. Домработница Нинка готовила грибной суп для моей семьи. Грибы я купила накануне в дорогом магазине. Белые грибы, замороженные целиком: шляпки на ножках. Темно-коричневые замшевые шляпки на бежевых ножках. Совершенство формы и содержания. Красота, хоть рисуй.

Грибы разморозили, потом кинули в кипящую воду, чтобы сварились. Затем Нинка достала грибы из кипятка, выложила на деревянную доску.

Следовало их порезать соломкой и пережарить с лучком.

Далее я увидела следующее: Нинка отсекла у всех грибов шляпки и с ловкостью жонглера кинула их себе в рот. А порезала и пережарила с лучком только ножки. Решила: хозяева не заметят. Решила: хозяева обойдутся, им и так хорошо. А еще решила: от многого немножко – не кража, а дележка.

Я оторопела от Нинкиной наглости. Наглость – это такое поведение, когда человек предпочитает свои интересы интересам окружающих.

Я хотела тут же поставить Нинку на место, но притормозила. Последует неприятный диалог, настроение испортится. Нинка пустит слезу. Я окажусь виновницей ее слез. Начнется выяснение отношений. Дальше надо будет расставаться, искать другую домработницу, а какая будет другая – поди знай. К этой я уже привыкла. Черт с ним, с супом, поедят без шляпок. Все равно грибной дух останется.

Я ничего не сказала. Ушла на прогулку. За мной последовал Фома с одной целью: раскрутить всех соседских собак. Он подбегал к воротам и что-то говорил по-собачьи, они в ответ

взрывались скандалом. Видимо, Фома им говорил: моя хозяйка самая лучшая, а ваш хозяин – говно.

Фома перебегал от одних ворот к другим. Я шла в гимне собачьего лая и думала: «Как в гетто»...

Пришел март. Первая неделя. Я вышла на крыльцо по обыкновению. Небо синее, как в Сочи. Солнце – молодое, как девушка в начале жизни. Фома счастлив, ему не о чем беспокоиться. Я ведь на него не орала и не пинала в бок.

Нинка чистит дорожку от снега. Физическая нагрузка на свежем воздухе. Щеки у нее покраснелись, глаза – голубые, как небо. Скоро у нее отпуск, и она поедет домой, повезет подарки и деньги. А потом вернется ко мне. Я – это ее разросшаяся семья. Часть ее жизни. А почему? Потому что мы не выясняли отношения, не говорили друг другу лишнюю правду. Слово не воробей. Вылетит – не поймаешь. А если слово не сказано, его – нет. Воздух чист. Весна.

Выстрел

Собирались справлять золотую свадьбу, но отложили до лучших времен.

Главная причина – бедность. После перестройки стали нищими. Сначала Павловская реформа, потом шоковая терапия Гайдара – и в результате все накопления превратились в труху. Кто-то, конечно, разбогател, но стариков это не касалось. Их кинули как последних лохов. Мало того что старики, так еще и лохи. Хорошо, что дочь взяла на крыло. Не дала упасть и разбиться.

Однако просить у детей невыносимо. Природа нацелена только вперед. Дети поддерживают своих детей, срабатывает инстинкт: сохранение поколения. А на стариков этот инстинкт не распространяется. Старики никому не нужны, поскольку от них никакого толка. Просто доживают, и все, каждый в своем безобразии.

Они, конечно, пытаются передать свой опыт, но кому он нужен, чужой опыт?

У молодых должны быть свои ошибки и свои синяки.

Семидесятилетние Анна Николаевна и Виктор Петрович сдали свою квартирнку и переехали на дачу.

Дача была не их. Зять Максима. Зять – это муж дочери Тани. Он как раз искал человека сторожить свою дачу. Максим боялся, что дачу разграбят, или подожгут, или туда залезут бомжи и станут ночевать вместе со своими вшами.

Решили отправить туда родителей Тани: и старикам полезно дышать свежим воздухом, и дом присмотрен, и не надо платить за охрану.

Виктор Петрович (он же Виктор) был рукастый и разворотливый. Он собственноручно построил баню, да какую... Собственноручно собрал мотор для лодки. В это было трудно поверить, но в нем раскрылся и расцвел дар самородка Левши.

Виктор уходил в гараж, у него была там мастерская, и забывал о времени. День проскакивал как мгновение. Он буквально нашел себя в семьдесят лет. А до этого просидел в конструкторском бюро, что тоже не плохо, но с сегодняшним не сравнить. Там была работа мозгами, а здесь – мозгами и руками.

Он собирал моторы для лодок. Ему стали поступать заказы. На них Виктор покупал необходимую комплектацию. Деньги потекли ручьем, он стал их складывать в коробку для обуви. Это воодушевляло.

Таня с Максимом обитали в городе. На выходные приезжали на дачу.

Зять Виктор не любил. Он не понимал свою дочь: как она, умница и красавица, могла полюбить такого...

Однажды зимой Виктор наблюдал, как зять входил в калитку. Калитка плохо открывалась, мешала наледь. Что делает нормальный мужик? Берет лом, скалывает наледь и свободно открывает. А этот – стоит и дергает, и рвет дверь до посинения, хотя лом стоит тут же. Взять лом и постучать по наледи – это ниже его достоинства.

В чем-то зять, может, и разбирается, в своем банковском деле. Но ведь это не освобождает человека от человеческого. А этот выродок заставляет жену делать аборт, убивать своих собственных детей. И вот результат: старость без внуков, а как не хватает мальчика. Виктор научил бы его собирать моторы для лодок, скалывать наледь, любить своих близких – быть мужиком. Вот что самое важное: быть мужиком. Или женщиной с большой буквы, каковой была его жена Анна Николаевна. Как она любила кокетничать, наряжаться, обижаться, отдаваться. Всегда разная. За пятьдесят лет не надоела. Это надо уметь.

Старость – жестокая пора. Она отбирает у человека все: красоту, здоровье, память. Как в известном анекдоте, жена спрашивает мужа: «Дорогой, как фамилия того еврея, который от меня все прячет?» – «Альцгеймер, дорогая...»

Именно такой диагноз поставили Анне: Альцгеймер. Виктор спросил у врача, что это значит? Врач ответил: «Усыхает мозг».

Мозг усыхает, становится меньше, и постепенно все навыки, приобретенные за жизнь, говорят: «До свидания» – и уходят навсегда.

Анна Николаевна забыла, как ее зовут, как надо готовить еду, как одеваться. Она совала свои ноги в рукава кофты, думая, что кофта – это рейтузы.

Виктор Петрович одевал ее, готовил еду и кормил с ложки. Анна превратилась в ребенка, с той разницей, что ребенок как стрела устремлен в разум и расцвет. А жена Анна направлена во тьму и в закат, поскольку Альцгеймер не лечат. Даже американскому президенту Рейгану не помогли, а там и медицина, и деньги. Что уж говорить о нищей пенсионерке...

Когда-нибудь научатся изымать испорченный ген, и тогда станут излечимы такие недуги, как Альцгеймер, Паркинсон, рак, алкоголизм. Но когда научатся? И сколько осталось той жизни?

Виктор Петрович уходил в гараж, буквально прятался в гараже. Работал головой и руками и думал свою горькую думу: что их ждет? Ему казалось, что рядом с женой у него тоже усыхают мозги, он как бы погружается на дно океана, на него давит толща воды, – и ни солнца, ни воздуха. Хотелось сильно оттолкнуться ногами и всплыть, и вдохнуть полной грудью, и зажмуриться от яркого солнца.

Стоял летний полдень.

Виктор Петрович начинал работу в восемь часов утра и в двенадцать разрешал себе перекурить и перекусить.

Он стоял возле березы и курил, и вдруг – видение: Нефертити на лошади. Лошадь – серая в яблоках, красавица. А в седле – Нефертити с прямой спиной, высокой шеей. Изумительный профиль.

В молодые годы у Виктора над письменным столом висел портрет прекрасной египтянки в головном уборе, похожем на чеченскую папаху. Эта, на лошади, была без папахи, в кепочке. Короткий нос, высокие скулы. Прелесть.

Она ехала не спеша, покачиваясь в такт лошадиному шагу, и исчезла.

Виктор вышел за калитку. Он бы не удивился пустой дороге. Откуда здесь может быть живая лошадь и живая Нефертити? Просто видение – и все.

Прекрасная всадница действительно ехала по дороге на красивой лошади.

Всю следующую неделю Виктор Петрович выходил на дорогу и смотрел вдаль: не появится ли прекрасное видение, а если появится, то как с ней познакомиться? Однако какой смысл в этом знакомстве? Нефертити была женой фараона, зачем ей пенсионер?

На всякий случай Виктор Петрович брился и надевал свежую клетчатую рубашу.

Когда-то он был красив, и красота не оставила его. Старость ему шла.

Семьдесят лет – это молодость старости. Виктор Петрович сохранил статью: стройный, поджарый, ничего лишнего, а глубокие морщины не портили лица, даже украшали.

Многие к старости хорошеют. Душа выступает наружу. И если душа добрая, ясная и благородная, то и лицо такое же. И наоборот. Грязное нутро вылезает наружу, в этом случае старики бывают отвратительные.

Виктор Петрович всегда был красивым, но в последнюю неделю он дополнительно похорошел. Дочь Таня заметила перемену в облике отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.